

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР.
ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Философия российской истории
и политическая альтернативистика

**«Вождистская» субкультура в России в поисках
исторических альтернатив (В.В. Шульгин)***

А.А. Кара-Мурза

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-7-24

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье исследуются взгляды русского политика и публициста Василия Витальевича Шульгина (1878–1976), которого автор считает крупнейшим в отечественной культуре идеологом «вождистской» политической субкультуры. Вслед за Шульгиным автор склонен принципиально разделять «монархический» (традиционный) тип устройства власти и тип «вождистский», тяготеющий, согласно современным классификациям, к «харизматическому». В.В. Шульгин был одним из первых российских мыслителей, который, вслед за А.С. Пушкиным и С.М. Соловьевым, считал «золотым временем» русского социума пребывание под властью «вождей-героев» (например, Петра Великого). Многие проблемы российской государственности, обнажившиеся в начале XX в., Шульгин объяснял деградацией русского правящего класса и конкретно династии Романовых. Появление в этих условиях «рядом с монархом» национального «вождя» в лице П.А. Столыпина (аналога Бисмарка в Германии или Муссолини в Италии), способного вывести страну из кризиса эволюционным путем, «не было понято» российским обществом и привело к национальной катастрофе. Мировая война ускорила процессы деградации российской власти. Пришедшая на короткое время к руководству в России «демократическая общественность» не смогла выдвинуть из своих рядов нового «вождя» (к фигуре Александра Керенского Шульгин относится скорее иро-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31314 «Несостоявшиеся альтернативы политической истории России как фактор национального политического сознания».

нически). По мнению Шульгина, «промежуточные фигуры» в лице «белых» генералов или «красного» дуумвирата Ленина-Троцкого со временем уступят место «самодержавному» правлению общероссийского «Вождя», который будет сочетать в себе «белую идеологию» и «красную волю».

Ключевые слова: история России, философия истории, политическая философия, политическое лидерство, монархия, «вождистская субкультура», революция, авторитаризм, «фашизм», интеллигенция.

Алексей Алексеевич Кара-Мурза – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН.

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

Для цитирования: Кара-Мурза А.А. (2019) «Вождистская» субкультура в России в поисках исторических альтернатив (В.В. Шульгин) // Философские науки. 2019. Т. 62. № 4. С. 7–24.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-7-24

“Chieftain” Subculture in Russia in Search of Historical Alternatives (V.V. Shulgin)*

A.A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-7-24

Original research paper

Abstract

The article examines the views of the prominent Russian politician and publicist Vasily Vitalyevich Shulgin (1878–1976), whom the author considers to be the largest ideologist of the “chieftain” political subculture in Russian political culture. Following Shulgin, the author distinguishes two fundamentally different models of power: “monarchical” (traditional) type of power and “chieftain” (or “charismatic”) type of power. V.V. Shulgin was one of the first Russian thinkers who, after Alexander Pushkin and Sergei Solovyov, considered the “golden age” of the Russian society to be under the rule of “leaders-heroes” (for example, Peter the Great).

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute of Social Research (EISR), research project no. 19-011-31314 “Unrealized alternatives to the political history of Russia as a factor of national political consciousness.”

Shulgin explained many of the problems of Russian statehood revealed in the early 20th century by the degradation of the Russian ruling class and specifically the Romanov dynasty. Under these conditions, the national leader P.A. Stolypin (similar to Bismarck in Germany or Mussolini in Italy), able to bring the country out of crisis by evolution, had appeared “next to the monarch,” but he has not been appreciated by Russian society and it has caused a national catastrophe. The First World War has accelerated the degradation of the Russian government. The “democratic forces” that came to power in Russia for a short time could not nominate a new “leader” from their ranks (Shulgin treats Alexander Kerensky rather ironically). Shulgin foresaw that “intermediate figures” like the White generals or the Red diarchy of Lenin and Trotsky would eventually give way to the autocratic rule of an all-Russian “Chief,” who would combine the ideology of the Whites and the will of the Reds.

Keywords: Russian history, philosophy of history, political philosophy, political leadership, monarchy, chieftain subculture, revolution, authoritarianism, fascism, intelligentsia.

Alexei Kara-Murza – D.Sc. in Philosophy, Professor, Senior Research Fellow, Head of the Department of the Philosophy of Russian History of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

For citation: Kara-Murza A.A. (2019) “Chieftain” Subculture in Russia in Search of Historical Alternatives (V.V. Shulgin). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 4, pp. 7–24. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-7-24

Введение

Крупного русского политика и публициста Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) в литературе принято называть националистом и монархистом. Среди других доминант его мировоззрения часто называют «черносотенство», «антисемитизм» и пр. В действительности все эти не лишённые смысла характеристики являются, скорее, производными от главной, как представляется, идейно-политической «идентичности» Шульгина: он в первую очередь был адептом и, наверное, одним из самых серьёзных идеологов «вождистской» (или, как он сам выражался, «вожаческой») политической субкультуры в России.

Между «монархизмом» и «вождизмом»

В отечественной литературе принципиальное различие между «вождизмом» и «монархизмом» обосновал, в частности, крупнейший русский историк С.М. Соловьёв – главным образом, в тру-

дах, посвященных временам Петра Великого. Эту эпоху историк образно описал так: «Народ собрался в дорогу и ждал вождя... И вот появился Петр – вождь своего народа в великом движении, охватившем весь организм народной жизни» [Соловьев 1991, 427]. «Следя за деятельностью Петра, – любил повторять Соловьев, – мы не должны забывать, что имеем дело *не с государем только*, а с начальником нового общества, *с вождем дружины*, основывающей новое государство» (курсив мой. – А. К.) [Соловьев 1991, 429]. А вот более подробное объяснение: «Образуется новое общество, новое государство и, как обыкновенно бывало при этом, является дружина со своим вождем, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; *царь по происхождению* (rex ex nobilitate) *становится вождем дружины по личной доблести* (dux ex virtute)» (курсив мой. – А. К.) [Соловьев 1991, 432].

При этом, согласно Соловьеву, Петр Великий был вождем особого типа: «Подобно древним вождям дружин, он принимает каждого и дает ему место по мере способности. В древних дружинах большая или меньшая храбрость определяла место дружинника, степень приближения его к вождю; в дружине Петровой одной храбрости было мало, прежде всего требовалось искусство, образование...» [Соловьев 1991, 427; Кара-Мурза, Поляков 1994, 110–111].

Что же касается «монархизма», то его принципиальное отличие от «вождизма» хорошо сформулировал, в свою очередь, И.Л. Солоневич в своей знаменитой книге «Народная монархия»: «Моя собственная теория, вероятно, уже известная читателям, относится к культу личности довольно мрачно: “гений в политике – это хуже чумы”... Ибо монархия есть единоличная власть, подчиненная традициям страны, ее вере и ее интересам, иначе говоря, власть одного лица, но без отсебятины. Вождь – тоже одно лицо, но с отсебятиной. Петр был смесью монарха с вождем – редкий пример царя с отсебятиной» [Солоневич 2010, 574; Кара-Мурза, Поляков 1994, 117].

Итак, то, что в деятельности Петра-реформатора апологет «вождизма» Соловьев именовал «подвигом» и «творчеством гения», ортодоксальный монархист Солоневич иронически называл «отсебятиной», открыто и во всем предпочитая царю Петру его отца – «тишайшего» Алексея Михайловича.

Теоретическим основанием шульгинской концепции «русского вождизма» («*вожачества*») является выделение им двух исторических типов человеческой «солидарности». Первый – *бессознательный* (или «непосредственный») Шульгин уподо-

бляет «солидарности» муравьев или пчел: «Муравьи и пчелы тоже солидарны до удивительности; но они бессознательно солидарны, ибо так называемые “матки” или “царицы” ульем не правят и никому ничего не приказывают; они попросту рожают новые поколения, за что их берегут и лелеют, как единственный источник продолжения муравьиной или пчелиной расы. Кто-то, конечно, муравьями и пчелами управляет, но этот “кто-то” не персонифицируется в какой-нибудь пчеле или синедрионе пчел» [Шульгин 1992, 88]. Этот тип «бессознательной солидарности» характерен, по мнению Шульгина, и для некоторых человеческих общностей, например, для «еврейского народа»: к конспирологической идее о существовании некоего «тайного еврейского всемирного правительства» Шульгин относился крайне скептически.

Существует, однако, и другой тип «солидарности» – *сознательный* (или «нарочитый»), и он тоже имеет свои аналоги в животном мире: «Другие животные слепо повинуются видимым вожакам и безоговорочно исполняют их приказы. Тем, кому приходилось иметь дело с тысячными стадами, например, быков, этот факт хорошо известен. Рассказывают, что иногда приходится простаивать целые месяцы при переправе через какую-нибудь реку, потому что быки-вожаки по каким-то известным им одним причинам не желают лезть в воду. По истечении “времени и сроков” они же так же непонятно бросаются в реку, а за ними неудержимо прет бычья лавина; прет то самое стадо, которое до этого времени никакими самыми невероятными (человеческими) усилиями нельзя было сдвинуть с места» [Шульгин 1992, 88–89].

Таким образом, утверждает Шульгин, «среди людей можно тоже себе представить эти два типа солидарности – солидарность бессознательную, или непосредственную, и солидарность – “через фокус”. В первом случае люди стремятся к одной цели без видимого приказа кого-нибудь – это, скажем, случай пчелиный или еврейский; во втором случае люди делают общее дело только по приказу своего видимого вожака или владыки – это, скажем, *случай бычий или русский* (курсив мой. – А. К.) (да простят мне мои единоплеменники сие сближение и вспомнят, что быки у многих народов были тварями почитаемыми и даже священными)... Эти два типа психики, – заключает Шульгин, – к которым по принадлежности тяготеют два рассматриваемых нами народа, являются, на мой взгляд, своего рода фатумом. Эта разница

психической структуры и обуславливает полярность стихий еврейской и русской, по крайней мере в плоскостях политической и общественной» [Шульгин 1992, 89].

«Русские вожди»: Петр Алексеевич и Николай Павлович

Согласно Шульгину, в процессе трудного складывания единого «русского народа» имела место постоянная борьба за доминирование между «северянами» (царями московскими) и «южанами» (вождями русско-казацкими). Самого Шульгина, воспитанного отчимом, русско-казацким профессором-националистом Д.И. Пихно, всегда больше привлекали образы русских *вождей-южан*: «История говорит нам, что другое действующее лицо этой же эпохи (московского царя Алексея Михайловича – А. К.), гетман Богдан Хмельницкий, смотрел на себя и на своих как на истинных носителей русского начала. Южане напоминали Государю Московскому, что древнее гнездо воссоединяемого русского народа есть Киев и вся вообще “Малая Русь”... Но эта русскость, будем называть ее южной, отличается от Московской, которую будем называть северной» [Шульгин 1992, 91].

Согласно Шульгину, в эпоху, непосредственно предшествовавшую «петровской», русскому народу предстояло совершить важнейший рывок на пути национально-государственного соединения «русского Севера» и «русского Юга». Эту миссию мог выполнить только новый *национальный вождь*, но непременно вышедший из устоявшейся легитимной династии.

«Поэтому недаром, – писал Шульгин в конце 1920-х гг., – Петр Великий, коему предстояло использовать великое дело своего отца (направившего “Московию” с пути местно-московского на путь общерусский), стремился найти новое гнездо для удвоившегося в своих возможностях народа» [Шульгин 1992, 91]. «Москва для этого дела была тесна и провинциальна, – объясняет Шульгин логику вождя-реформатора. – Она не могла импонировать русскости южной; ибо эта последняя традиционно, от времен Владимира и Ярослава, протягивала щупальцы на Запад и тянула в себя завоевания культуры общечеловеческой» [Шульгин 1992, 91].

Петр Великий правильно рассчитал, что «из воссоединения двух братских племен, одинаково русских, но несколько разошедшихся в течение веков различной политической жизни, непременно должно было родиться “нечто третье”, что не было бы ни древний Киев, находившийся в состоянии упадка, но хранивший

варяжские традиции русского западничества; ни Москва, набравшая силы, но носившая на глазах повязку из чисто московских, “сепаратистических” от остального мира предрассудков» [Шульгин 1992, 91]. «Это третье, – продолжает Шульгин, – *гениальным вожаком обеих русскостей* (курсив мой. – А. К.), северной и южной, было найдено; и нарекли ему имя... Санкт-Петербург... При помощи прозревших “москвичей” и наследственно зрячих “киевлян” он стал тем котлом, где великолепно, можно сказать “блистательно”, варилась каша из двух воссоединившихся племен русского народа» [Шульгин 1992, 91–92].

Эпоха исторических преобразований Петра Великого, по мнению Шульгина, наглядно показала следующее: «Наиболее выгодная для русских (по свойству их психологии) организация есть организация *вожаческая*» (выделено Шульгиным. – А. К.). При чем – безразлично, какое “формальное наименование” к ней прищипливать. При соответствующем вожаке русские могут быть очень сильны. Их лучшие качества складываются, будучи толкаемы в одном направлении; их нестерпимые недостатки (грызня, взаимное недоброжелательство) парализуются. Ведомые подлинным вожаком, русские могут с успехом конкурировать с другими народами во всех тех областях, где вожаческая организация вообще пригодна» [Шульгин 1992, 95].

Сфера применения принципов «вожачества», согласно Шульгину, «конечно, не безгранична, но значительно шире, чем об этом принято думать» [Шульгин 1992, 95]. В трудные времена, например династических кризисов, именно нетрадиционные навыки «вожачества» выходят на передний план. Наглядный пример этому – царствование «сурового вожака Николая I» (подлинные слова Шульгина. – А. К.) [Шульгин 1992, 95].

В свое время на молодого Шульгина произвела большое впечатление «сшибка» сильных характеров в драматические часы «декабристского бунта». В письме к В.А. Маклакову от 10 декабря 1924 г. Шульгин отмечал: «В самые реакционные периоды русской истории мы видим, однако, людей, у которых по жилам струилась кровь, а не вода, и которые то, что они считали своим долгом, умели исполнять вплоть до личного самопожертвования. И если 14 декабря 1825 года высшая аристократия страны лично повела ничего не понимающих солдат на мятеж против императора, обнаружив при этом хотя и весьма мало рассудительности, но и несомненное мужество, то и противная сторона, в лице Государя Николая I

и наследника престола Михаила (так у Шульгина. – А. К.), окруженные дворянством, оставшимся верным престолу, раздавила мятеж, можно сказать, персональной энергией, не щадя своей личной безопасности и даже жизни» [Будницкий (ред.) 2012, 210–211].

И, конечно, история России пошла бы совсем иначе, если бы заговор декабристов удался: «Государь был бы убит кинжалом, который Рылеев подал для этой цели Каховскому; вся Императорская фамилия была бы истреблена “до корня”...; Петербург был бы реформирован при помощи “красного петуха”, чернь грабила бы и убивала» [Шульгин 1992, 95–96].

Николаевское время, не раз подчеркивал Шульгин, было вместе с тем «золотым веком русской литературы»: «Этого расцвета русского слова Россия не увидела бы, если бы удался заговор декабристов... В этой катавасии, которую гвардейцы начала XIX века готовили России, конечно, погиб бы цвет нации: Жуковский, Пушкин, Грибоедов и Гоголь покончили бы свои дни на эшафоте, ничего не написав» [Шульгин 1992, 96]. Вывод Шульгина: «Истинный вожак, Государь Николай I, 14 декабря 1825 года спас русских от самих себя» (выделено Шульгиным. – А. К.) [Шульгин 1992, 96].

В качестве доказательства для своих умозаключений Шульгин приводит аналогию с судьбой российской интеллигенции после большевистского переворота: «Ведь на наших глазах в революции погибли все те, кто не успел вовремя унести ноги. А те, что унесли? Их талант не распустился в суровой прозе эмиграции “песнями и молитвами”, которые так легко слагались под воркованье уютной вьюги села Михайловского или “в страданиях” ласковой ссылки на благословенный юг России» [Шульгин 1992, 96; Жукова 2013, 179–188].

Однако со временем, согласно Шульгину, в среде правящего класса России стали заметны признаки деградации. Да и сам тип правления представителей правящей династии перестал отвечать требованиям времени – и это в условиях нарастания внутренних и внешних вызовов. «Северянская» Москва все более заражала своим влиянием послепетровский имперский Петербург. Для переехавшего в столицу «южанина» Шульгина это стало в свое время неприятным потрясением.

Характерны слова, вырвавшиеся у Шульгина в уже упомянутом письме Маклакову: «Поверхность же наша русская с той минуты, по крайней мере, когда я, человек провинциальный и необразован-

ный, стал наблюдать лик столь высоко ценимой на юге Северной Пальмиры, показалась мне собранием, если это выражение не оскорбит Вас, недоносков и выроdkов» [Будницкий (ред.) 2012, 211]. «И думаю я посему, дорогой Василий Алексеевич, – писал тогда Шульгин Маклакову, – что причина постыдного поведения нашего в 1917 году кроется гораздо глубже, чем в особенностях политического правления нашей родины, и таится она там, где и всегда на протяжении истории таилась: ...в вырождении физическом и душевном классов, предназначенных для власти (курсив мой. – А. К.), ибо власть требует наличности некой материи, некой субстанции, не особенно удобно определяемой, но весьма ясно мною ощущаемой субстанции, я бы сказал, имеющей нечто общее с ощущением силы и молодости» [Будницкий (ред.) 2012, 211; Будницкий 2012, 7–50].

В характере и стиле правления предреволюционной Россией (возможно, адекватному более мирным временам) националисту Шульгину явно не хватало «вождистского» компонента.

Петр Столыпин – «русский Дуче»

Включившийся в общероссийскую политику в начале нового столетия молодой парламентарий от дворян Волынской губернии Василий Шульгин однажды подметил: «Времена меняются. В былое время достаточно было быть Царем, чтобы вбирать в себя все лучшие токи нации. Драки сами собой смолкали на ступенях трона; оставалось одно очищенное желание служить родине, – через Царя... Сейчас Государь, который хотел бы выполнить царево служение былых времен (то есть выловить из народа все творческое, отринув разрушительное), должен быть персонально на высоте своего положения. Если же этого нет, то *рядом с ним становится вождь, который, по существу, исполняет царские функции* (курсив мой. – А. К.)» [Шульгин 1992, 95].

«Ныне мы живем в веке фашизма», – делает вывод правый политик и убежденный «социалистоед» Шульгин, поставивший целью своей жизни решительную «борьбу налево». Слово «фашизм» (от итальянского *fascio* – пучок) Шульгин всегда использовал в сугубо положительном смысле: его тексты в этом отношении можно сравнить с сочинениями другого русского националиста (и тоже большого поклонника Бенито Муссолини) И.А. Ильина [Кара-Мурза 2012, 27–44].

У России, согласно Шульгину, в начале века появился шанс на «выздоровление». «Нашелся Столыпин – предтеча Муссолини. Столыпин по взглядам был либерал-постепеновец; по чувствам – националист благородной, “пушкинской”, складки; по дарованиям и темпераменту – природный “верховный главнокомандующий”, хотя он и не носил генеральских погон. Столыпин, как мощный волнорез, двуединой системой казней и либеральных реформ разделил мятущуюся стихию на два потока» [Шульгин 1992, 48]. «Правда, – добавляет Шульгин, – за Столыпина стало меньшинство интеллигенции, но уже с этой поддержкой, а главное, черпая свои силы в сознании моральной своей правоты, Столыпин раздавил первую русскую революцию» [Шульгин 1992, 48].

Столыпин давал России шанс на мирную эволюцию, и «разумные» депутаты русского парламента (к ним Шульгин относил и себя) понимали это. «Мы, провинциалы, – писал Шульгин в автобиографической книге “Дни”, – твердо стали вокруг Столыпина и дали ему возможность вбивать в крепкие мужицкие головы сознание, что земли “через волю” они не получают, что грабить землю нельзя – глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведет к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли... и, наконец, что “волю” народ получит только “через землю”, т.е. не прежде, чем он научится ее, землю, чтить, любить и добросовестно обрабатывать, ибо только тогда из вечного Стеньки Разина он станет гражданином» [Шульгин 2017а, 54].

Проблема Столыпина, однако, была в том, что он вышел из среды административной, а не «идейной» (как тот же Муссолини) элиты. В своей переписке с либералом Маклаковым Шульгин не раз пенял своему корреспонденту за то, что тот был лишен малейших симпатий и к Муссолини, и к тем русским крайне правым кругам (Маклаков сравнивал их с «фашистами»), которые могли бы в свое время выдвинуть аналогичную фигуру «русского дуче».

10 декабря 1924 г. Шульгин писал Маклакову: «Вы правильно изволили сравнить некогда существовавший “Союз русского народа” с нынешними фашистами. Действительно, среда, из которой вышеупомянутые союзы рекрутировались, в некоторых отношениях весьма напоминает среду фашистскую, и, думаю, ничуть не хуже ее» [Будницкий (ред.) 2012, 211]. «Среди революционеров справа, – продолжает Шульгин, – я знавал личностей

почтенных, а главное – способных к отпору и борьбе, способных и жизнь свою положить за други своя, что в других, благородно-умеренных партиях наших (явный намек на либералов. – А. К.), не замечалось» [Будницкий (ред.) 2012, 211].

«К сожалению, – подытоживает Шульгин, – не нашлось в нашей русской действительности лица, подобного итальянскому Муссолини. А Петр Аркадьевич Столыпин, во многих отношениях его напоминавший, всецело занялся упорядочиванием аппарата правительственного и посему, конечно, не успел создать контрфорса, если смею так выразиться, справа, который развил бы в политической борьбе ту же свирепую лютость, каковую обнаружили революционеры слева» [Будницкий (ред.) 2012, 210–211].

Столыпин, по мнению Шульгина, «заплатил жизнью за то, что он раздавил революцию, и, главным образом, за то, что он указал путь для эволюции»: «Выстрел из револьвера в Киеве – увы, нашем Киеве, всегда бывшем его лучшей опорой, – закончил столыпинскую эпоху... Печерская лавра приняла пробитое пулей Богрова тело...» [Шульгин 2017а, 54–55].

Убийство русского премьера в решающее для страны время сделало место «национального вождя» не просто вакантным – оно обнажило огромную зияющую дыру в русском правящем классе. Шульгин-парламентарий вынужден был констатировать: «Будет беда. Россия безнадежно отстает. Рядом с нами страны высокой культуры, высокого напряжения воли. Нельзя жить в таком неравенстве. Такое соседство опасно. Надо употребить какие-то большие усилия. Необходимы размах, изобретательность, творческий талант. Нам надо изобретателя в государственном деле. *Нам надо социального Эдисона* (курсив мой. – А. К.)» [Шульгин 2017а, 55].

Русская революция: вожди истинные и мнимые

Первая мировая война, по мнению В.В. Шульгина, обнажила структурные слабости российской монархии. Решающей ошибкой было то, что Россия оказалась *одновременно* втянутой в борьбу с двумя мощнейшими «мирами»: «германской нацией» с ее склонностью к военной экспансии и «революционным еврейством», разлагавшим Россию изнутри. «Сатанинско-разлагающее» влияние Распутина на правящую элиту лишь довершило дело [Шульгин 2012, 224–246; Шульгин 1992, 96–207].

Огромное впечатление на страну произвела антиправительственная речь В.В. Шульгина в Государственной думе 3 ноября

1916 г.: ее эффект, как представляется, был на порядок выше аналогичных выступлений «старых оппозиционеров» (например, знаменитой речи «Глупость или измена?» кадетского лидера П.Н. Милюкова). На этот раз против «Власти» выступил консерватор, националист и монархист, и данный факт Шульгин подчеркнул в самом начале своего думского выступления: «Я не принадлежу к тем рядам, для которых борьба с властью есть дело, если не сказать привычное, то, во всяком случае, давнишнее. Наоборот, в нашем мировоззрении та мысль, что даже дурная власть лучше безвластия, эта мысль занимает почетное место» [Шульгин 2015, 110].

Изменить своей привычной позиции, объяснил Шульгин, его вместе с товарищами из числа умеренных правых (*«левой части правой»*), согласно стенографическому отчету) заставили чрезвычайные обстоятельства: «Произошло то, что страна, которая в продолжение более двух лет безбоязненно и доблестно борется с самым страшным врагом, который когда-либо был пред Россией, эта страна смертельно испугалась своего собственного правительства» [Шульгин 2015, 110].

Трагический парадокс ситуации, как продолжил свою мысль Шульгин, состоял в том, что в глазах думающей части русского общества германский главнокомандующий стал представлять *меньшую опасность*, чем новоназначенный (при поддержке Распутина) премьер Российской империи: «Произошло то, что люди, которые бестрепетно смотрели в глаза Гинденбургу, затрепетали перед Штюрмером (*смех слева; голоса: правильно; рукоплескания в левой части правой, в центре и слева*)» [Шульгин 2015, 110].

Шульгин выразил распространяющиеся в обществе опасения, «что это только заглавие к той сатанинской грамоте, в которой будет изложена программа позора и гибели России» [Шульгин 2015, 113]. «И вот, чтобы этого не случилось, господа, – сделал вывод Шульгин, – Государственная дума должна стоять здесь на своем месте и бороться за безопасность России... У нас есть только одно средство: бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет (*продолжительные и бурные рукоплескания центра, левой и в левой части правой; голоса: браво*)» [Шульгин 2015, 111, 113].

В этом контексте выглядит абсолютно естественным и символическим, что «монархист» Шульгин стал одним из тех посланцев Временного комитета Государственной думы, кто 3 марта 1917 г. принял отречение Государя Николая II.

На протяжении всей своей долгой жизни (98 лет!) убежденный «вождист» Шульгин неоднократно возвращался к тому драматическому эпизоду, когда он вместе с А.И. Гучковым принимал от имени Временного комитета Государственной думы акт отречения Николая II. Шульгин всегда оставался при мнении, что в своей «вождистской» логике был тогда абсолютно прав, защищая принцип «монархизма» от искажений (вольных или невольных) этого принципа. Однажды, в 1921 г., в Константинополе, уже после изгнания врангелевцев из Крыма, группа русских эмигрантов затеяла некое «объединение», намереваясь поставить во главе его Шульгина. В мемуарной книге «1921 год» сам он вспоминал: «Я согласился, предупредив, что ничего не выйдет. Я ведь прекрасно знаю, что некоторые не могут мне забыть, что ездил в Псков. А я не могу им простить, что они прятались во все дыры, когда все рушилось, а теперь могут упрекать меня за то, что я осмелился поехать к Царю и принять неизбежный акт отречения во всем уважении к Венценосцу, вместо того, чтобы вместе с ними смотреть, как Чхеидзе и Нахамкес (партийный псевдоним “Стеклов”. – А. К.) будут “читать мораль” последнему русскому Государю» [Шульгин 2018, 130].

Как известно, среди «выдающихся представителей общественности» из состава Временного комитета Государственной думы, в чьих руках оказалась власть весной 1917 г. (в состав Комитета входил и Шульгин), не оказалось людей с «вожаческой» психологией и навыками. «Разве мы-то сами к чему-нибудь такому годны? – писал Шульгин в “Днях”. – Разве мы были способны в то время “молниеносно” оценить положение, предвидеть будущее, принять решение и выполнить за свой страх и риск?.. Тот между нами, кто это сделал бы, был бы Наполеоном, Бисмарком или Столыпиным... Но между нами таких не было...» [Шульгин 2017а, 117–118].

Среди лучшего из написанного Шульгиным – те страницы его мемуаров, которые дают анализ периода «междуреволюционного двоевластия» 1917 г., способного (или неспособного) разродиться новыми «вождями». «Революционное человеческое болото, залившее нас, все же имело какие-то кочки... На революционной трясине, привычный к этому делу, танцевал один Керенский... Он вырастал с каждой минутой... Эти “кочки опоры”, на которых нельзя было стоять, но по которым можно было перебегать, – были те революционные связи, которые Керенский имел: это были люди, отчасти связанные в какую-то организацию, отчасти не связанные, но признавшие его авторитет. Вот почему на первых порах рево-

люции (помимо его личных качеств как первоклассного актера) Керенский сыграл такую роль» [Шульгин 2017а, 117–118].

Новые кандидаты в «русские вожди»

После большевистского переворота, будучи одним из идеологов Белого движения, В.В. Шульгин имел возможность общаться со многими кандидатами в новые «вожди». Он, например, был очень высокого мнения о «вождистском» потенциале А.И. Деникина. Его не смущало то, что Деникину, как полагали монархисты-радикалы, не хватает «диктаторских мер». «Деникин, несомненно, либерал по природе, – писал Шульгин в марте 1919 г. из Добровольческой армии В.А. Маклакову. – Вы знаете, что русский либерал с твердой волей и способный отстаивать свои либеральные убеждения силой оружия – это белая ворона в наших условиях, ибо обычно либерализм совпадает с полным отсутствием воли, решимости и твердости» [Будницкий (ред.) 2012, 45].

«Я знал только одного по существу либерального человека, который вместе с тем был и волевым человеком, – это был Столыпин, – продолжает Шульгин. – Я думаю, что идеология Деникина близка к Столыпинской... Этот человек..., так же, как и Столыпин – несокрушимого упрямства в основных вопросах. Многие обвиняют Деникина в слабости: это неверно – нельзя забывать, что он либерал по природе, а потому всякие действия из арсенала диктаторских мер будут им пущены в ход только в случае крайней необходимости» [Будницкий (ред.) 2012, 45]. Деникин, делает вывод Шульгин, на тот момент – главный кандидат в «национальные вожди»: «Несмотря на всю его медлительность, он, в конце концов, единственный, кто выживает и неумолимо растет, поглощая остальных. Думаю, что его надо держаться, не мудрствуя лукаво, ибо от добра добра не ищут» [Будницкий (ред.) 2012, 45].

При этом Шульгин полагал, что, ведя страну к Учредительному Собранию, «военный вождь» Деникин уступит со временем лидерство законному монарху: «Если демократия значит большинство, то Деникин сражается именно за то, чтобы выявить свободную волю большинства... Я нимало не сомневаюсь, что через некоторое время воля этого большинства будет определено монархической, ибо крестьяне, насытившись большевиками, будут требовать только одного – царя» [Будницкий (ред.) 2012, 45].

То, что войска «белых», в середине 1919 г. дошедшие до Орла («московский царь» Ленин уже отдал приказ об эвакуации

большевистского правительства в Вологду), вынуждены были потом отступать до Одессы, затем, уже при Врангеле, перебраться в Крым, а после его сдачи вообще эвакуироваться за пределы России, стало для Василия Шульгина, потерявшего в борьбе с «красными» двух сыновей (третий, младший, отступил с русским флотом в тунисскую Бизерту), огромной личной трагедией.

Тем более серьезный смысл имеет главный вывод Шульгина – политика и политического аналитика: «белые» проиграли потому, что по пути к российской власти «загрязнились», а «красные», наоборот, одержали верх только потому, что взяли на вооружение главные принципы своих противников: во-первых, идею профессиональной армии и, во-вторых, идею Единой и Неделимой России...

«Русский самодержец» вырастет... из большевизма

Но большевики, согласно Шульгину, взяли у «белых» еще и третий принцип удержания и выстраивания России – *принцип единоличной власти*. Ведь еще на «Московском совещании» в августе 1917 г., как вспоминал Шульгин, большевистские лидеры твердили о «диктатуре пролетариата», в то время как их оппоненты «справа» возражали: «Управление выборным коллективом в условиях войны и революции – вздор» [Шульгин 2017б, 403]. «Вышло по-нашему, – констатирует Шульгин. – Обе половинки России – Северная и Южная – отвергли коллектив и перешли: Южная – к единоличной диктатуре генералов..., а Северная – к “двуличной” диктатуре двух дворян: одного симбирского, а другого иерусалимского (читай: Ленина и Троцкого. – А. К.)» [Шульгин 2017б, 403].

Итак, согласно Шульгину, большевики, прорываясь к власти, опирались на анархию, а теперь не только восстанавливают «военное могущество России» и «границы Российской державы до ее естественных пределов», но и *«подготавливают пришествие самодержца всероссийского»* (курсив мой. – А. К.). [Шульгин 2017б, 403].

При этом Шульгин отрицал, что таким «самодержцем» может стать Ленин или Троцкий: «Он не будет ни психопатом, ни мошенником, ни социалистом... На этих господах висят несбрасываемые гири..., их багаж, их вериги... – социализм... они не могут отказать от социализма... они ведь при помощи социализма пере-

вернули старое и схватили власть. Они должны нести этот мешок на спине до конца, и он их раздавит...» [Шульгин 2017б, 403].

И вот тогда, как предвидел Шульгин, «придет Некто, кто возьмет от них их “декретность”... Их решимость – принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Их жестокость – проведение однажды решенного... Но он не возьмет от них их мешка. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям. У него нижняя челюсть одинокого вепря... И “человеческие глаза”. И лоб мыслителя...» [Шульгин 2017б, 403].

«Комбинация трудная – я знаю, – писал Шульгин в начале 1920-х гг., когда вся “старая эмиграция” еще всерьез обсуждала перспективы “новой интервенции”. – Все, что сейчас происходит, весь этот ужас, который сейчас навис над Россией, – это только страшные, трудные, ужасно мучительные... роды... Роды самодержца... Легко ли родить истинного самодержца, и еще всероссийского!» [Шульгин 2017б, 403–404].

Заключение

Не подлежит сомнению, что именно трагический личный опыт выработал в Василии Витальевиче Шульгине уникальные навыки «беспощадной» политической аналитики. 9 марта 1921 г. он писал В.А. Маклакову: «Тяжелые личные утраты выращивают на мне какую-то буйволовую шкуру, сквозь которую не могут пробиться самые отчаянные на первый взгляд события» [Будницкий (ред.) 2012, 55].

При этом Шульгин, как это ни невероятно, продолжал верить в Россию, в «необычайную живучесть русского тела». Он сохранял убеждение в том, что «процесс жестокого прессования, которому подвергнуты одинаково русские и Белой, и Красной России, – даст нам в итоге фалангу людей необычайно закаленных, т.е. именно то, чего нам недоставало... Ибо... причина всех несчастий была изнеженность руководящего класса, неспособного нести на себе бремя власти» [Будницкий (ред.) 2012, 55].

Когда в 1921 г. в эмигрантском Константинополе один белый генерал-беженец спросил Шульгина, что же теперь будет с Россией, Шульгин ответил: «Половина русского населения вымрет, а остальная восстановит все... “с гаком”... Расцвета мы не увидим... Расцвет через пятьдесят лет...» [Шульгин 2017б, 130].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Будницкий 2012 – Будницкий О.В. В.А. Маклаков и В.В. Шульгин: друзья-противники // Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / под ред. О.В. Будницкого. – М.: РОССПЭН, 2012. С. 7–50.

Будницкий (ред.) 2012 – Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / под ред. О.В. Будницкого. – М.: РОССПЭН, 2012.

Жукова 2013 – Жукова О.А. Субкультура власти и социальный порядок в России // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 179–188.

Кара-Мурза 2012 – Кара-Мурза А.А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2 (9). С. 27–44.

Кара-Мурза, Поляков 1994 – Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. – Иваново: Фора, 1994.

Соловьев 1991 – Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. Т. 13–14. – М.: Мысль, 1991.

Солоневич 2010 – Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Институт русской цивилизации, 2010.

Шульгин 1992 – Шульгин В.В. Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России. – СПб.: Хорс, 1992.

Шульгин 2012 – Шульгин В.В. По поводу одной статьи // Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. С. 224–246.

Шульгин 2015 – Шульгин В.В. Россия, Украина, Европа: избранные работы / под ред. А.В. Репникова. – М.: Посев, 2015.

Шульгин 2017а – Шульгин В.В. Дни // Шульгин В.В. Дни. 1920 год. – М.: Прозаик, 2017. С. 21–200.

Шульгин 2017б – Шульгин В.В. 1920 год // Шульгин В.В. Дни. 1920 год / вступ. ст. В.М. Хрусталева. – М.: Прозаик, 2017. С. 201–414.

Шульгин 2018 – Шульгин В.В. 1921 год / под ред. А.А. Чемакина. – М.: Кучково поле, 2018.

REFERENCES

Budnitsky O.V. (2012a) V.A. Maklakov and V.V. Shulgin: Friends-Opponents. In: Budnitsky O.V. (Ed.) *Dispute about Russia: V.A. Maklakov – V.V. Shulgin. Correspondence 1919–1939* (pp. 7–50). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Budnitsky O.V. (Ed.) (2012b) *Dispute about Russia: V.A. Maklakov – V.V. Shulgin. Correspondence 1919–1939*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2012) How Ideas Turn into Ideologies: Russian Context. *Filosofskiy zhurnal*. 2012. No. 2, pp. 27–44 (in Russian).

Kara-Murza A.A. & Polyakov L.V. (1994) *The Reformer. Russians about Peter I. Experience of Analytical Anthology*. Ivanovo: Fora (in Russian).

Shulgin V.V. (1992) “What We Do Not Like about Them...” *On Anti-Semitism in Russia*. Saint Petersburg.: Khors (in Russian).

Shulgin V.V. (2012) On One Article. In: Budnitsky O.V. (Ed.) *Dispute about Russia: V.A. Maklakov – V.V. Shulgin. Correspondence 1919–1939* (pp. 224–246). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Shulgin V.V. (2015) *Russia, Ukraine, Europe: Collected Works*. Moscow: Posev (in Russian).

Shulgin V.V. (2017a) *The Days*. In: Shulgin V.V. *The Days. Year 1920* (pp. 21–200). Moscow: Prozaik (in Russian).

Shulgin V.V. (2017b) *Year 1920*. In: Shulgin V.V. *The Days. Year 1920* (pp. 201–414). Moscow: Prozaik (in Russian).

Shulgin V.V. (2018) *Year 1921*. Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Solonevich I.L. (2010) *People's Monarchy*. Moscow: Institute of Russian Civilization (in Russian).

Solovyov S.M. (1991) *Collected Works*. Book VII, vol. 13–14. Moscow: Mysl' (in Russian).

Zhukova O.A. (2013) Subculture of Power and Social Order in Russia. *Polis. Political Studies*. 2013. No. 2, pp. 179–188 (in Russian).